

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА
ВОСТОК

Петр Вяземский

Путешествие на Восток

«Public Domain»

1883

Вяземский П. А.

Путешествие на Восток / П. А. Вяземский — «Public Domain»,
1883

«В Июне 1849 года, князь П. А. Вяземский, из своего подмосковного села Остафьева, предпринял путешествие на Восток. Он прожил несколько месяцев в Константинополе, посетил Малую Азию и сподобился поклониться в Иерусалиме Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...»

Петр Вяземский

Путешествие на Восток

В Июне 1849 года, князь П. А. Вяземский, из своего подмосковного села Остафьева, предпринял путешествие на Восток. Он прожил несколько месяцев в Константинополе, посетил Малую Азию и сподобился поклониться в Иерусалиме Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...

«Когда приближаешься уже к концу земного своего поприща», пишет наш паломник, «и имеешь в виду неминуемое путешествие в страну отцов, всякое путешествие, если предпринимаете его не с какою-нибудь специальною целью в пользу науки, есть одно удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в Святые Места может служить исключением из этого правила. Иерусалим – как-бы станция на пути к великому ночлегу. Это – приготовительный обряд к торжественному переселению. Тут запасаешься, не пустыми сведениями, которые ни на что не пригодятся нам за гробом, но укрепляешь, растворяешь душу напутственными впечатлениями и чувствами, которые могут, если Бог благословит, пригодиться и там, и во всяком случае несколько очистить нас здесь.

Как поживешь во Святом Граде, проникнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина, в нем царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожидания.

В молодости моей, когда я был независимее и свободнее, путешествие как-то никогда не входило в число моих преднамерений и ожиданий. Я слишком беспечно был поглощаем суетами настоящего и окружающего меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу и с той поры смерть запечатлела каждое мое путешествие. В первый раз собрался я за границу, по предложению Карамзина, ехать с ним; по кончина его (1826 г.) рассеяла это предположение до приведения его в действие. После, болезнь Пашеньки заставила нас ехать за границу. её смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествие. Второе путешествие мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьего путешествия. Таким образом, четыре могилы служат памятниками первых не сбывшихся сборов и трех совершавшихся путешествий моих. Не взмой меня волна несчастий, я вероятно никогда не тронулся бы с места. Вероятно путешествия мои, всегда отмеченные смертью, кончатся путешествием ко Святому Гробу, который примиряет со всеми другими гробами. Так быть и следовало».

В бумагах князя П. А. Вяземского сохранился *Путевой Дневник*, веденный во время этого путешествия. Дневник сей, состоящий из двух книжек in 4°, писан, по большей части, рукою самого князя Петра Андреевича, в некоторых же местах – рукою княгини Веры Федоровны под диктовку князя, и только на страницах 30 и 31 Княгиня включила несколько строк от себя.

Служивший при нашем посольстве, во время пребывания князя П. А. Вяземского в Константинополе, М. А. Тамазов, сообщил нам, по поводу Босфорских стихотворений князя Петра Андреевича, свое воспоминание о «живописном» *Эюбе*:

«Именитый поэт, передав в некоторых стихотворениях глубокое впечатление, оставленное в нем дивными красотами Босфора, приводит нас к порогу дорогой, в глазах Турок, святыни этого мира очарований. Рука его уже готова отдернуть завесу перед нами; величественные аккорды сложенной им песни готовы уже коснуться слуха нашего; но мы возьмем смелость остановить его на минуту, чтобы, так сказать, приготовить читателей к священнодействию, передав тем из них, которым она неизвестна, историю воспетого поэтом заветного уголка Стамбула.

На первой строке стихотворения встречается название, которое ничего не говорит непосвященному.

Что такое Эюб?

Постараемся объяснить смысл этого названия и набросать, как сумеем, очерк носящей его местности, чтобы не оставить ничего непонятым в пленительной песни князя Петра Андреевича.

Кладбищ много в Константинополе, много в нем кипарисов; все они одинаково располагают к мечтательности и способны вдохновить всякого поэта; но на усыпальнице и кипарисах Эюба лежит особая печать; особая прелесть разлита здесь в сочетании чудес Восточного зодчества с несравненными красотами природы.

На берегу Золотого Рога, там, где он начинает изгибаться дугою, поворачивая свои все более и более суживающиеся воды на право, по направлению к знаменитому Кеат-хану, европейским пресным водам (*Les Eaux douces d'Europe*), густою толпою теснятся гигантские кипарисы около прелестной мечети, около величавого мавзолея, около причудливо изваянных, покрытых золочеными надписями и узорами мраморных памятников. Со всех сторон прижавшиеся к этим белым гробницам, сверкают благоухающие розы; шелкает где-то там соловей, как-бы вознося молитву об успокоении почивших. Все это, освященное таинственной легендой эпохи завоевания Константинополя, не могло не подействовать, с особенным обаянием, на душу нашего вдохновенного поэта.

Вот легенда Эюба:

Чалмоносный завоеватель ликует на холмистых берегах Босфора. С понятною гордостью любит он дорогою добычею, которая, наконец, досталась ему после упорных усилий, его и его предшественников. На одной из улиц Константинополя, прозванной с тех пор *Мэйит-мейданы* – площадью трупов, как простой ратник, пал в кровавой сече, доблестный венценосец, царь греческий Константин, защищая наследие предков, а вместе с ним, пали и Царь-город и все царство Палеологов к ногам татарина.

Громко, бурно торжествует Мохаммед II-й свою победу и всевозможными чувственными уладами как-бы старается вознаградить себя за понесенные боевые труды, отпраздновать успех своего предприятия.

В самый разгар его оргий предстает пред ним его любимый шейх, Ак-Шэмс-уд-дин (белое солнце веры) и сообщает грозному повелителю, что в сновидении последней ночи явился ему Абу-Эюб Ансари; что угодник этот, ревностный ученик и подвижник пророка, павший в 48-м году хиджры (668) под стенами Константинополя, во время похода Иезида, сына Моавии I, против Восточной Римской империи, указал шейху место, где покоятся его кости. „Над ними, сказал он ему, лежит в земле, возле источника, мраморная плита от моей гробницы“. Султан, усматривая в этом сновидении как-бы благословение, ниспосылаемое Пророком, совершенному им подвигу – утверждению его знамени на развалинах великой древней империи, повелел немедленно приступить к работам. И действительно, землекопы отрыли в указанном месте и мраморную плиту, и рядом с нею источник! Этого было довольно для державного ревнителя Ислама! Осуществилось, значит, предсказание, гласившее, что султану, который овладеет Константинополем, определено свыше сделать это открытие!

По воле Фатиха, вскоре, на этом месте, как говорит патриарх Констанций в своей *Константиниаде*, из обломков четырех греческих церквей – Святых Пантелеймона, Фотинии, Мамы, Козны и Демьяна, разрушенных здесь во время набегов Болгар и осады Османов, построены были та мечеть и тот мавзолей (тюрбэ), о которых мы упомянули выше и которые, таким образом, окружены, против других им подобных в Константинополе, наибольшим ореолом святости.

В мавзолее стоит посвященная памяти Эюба (Иова), гробница из белого мрамора под открытою плитою; возле гробницы – колодезь с водою, проведенною из открытого источника; в голове – знамя, обернутое зеленым покровом; вокруг теплятся неугасаемые лампы. Узорчатое водохранилище (чешмэ) с широкими выступами своей крыши, увенчанной золоченою резною колонкой, с разукрашенными нишами и золочеными решетками, с тонкими мрамор-

ными колоннами по сторонам, с сетью каллиграфически вылепленных по карнизам надписей, дополняет прелесть этой семьи построек.

Все готово. Здания воздвигнуты. Украшения на местах. Мохаммед Фатих (собственно – победоносец, а не завоеватель), со свитой царедворцев и фалангою улэмов (законоведов), вступает в мечеть, где Ак-Шэмс-уд-дин опоясывает его мечом Османа на вечное торжество султанов над гяурами.

Все последовавшие за Мохаммедом османские повелители, на пятый или шестой день по вступлении своем на престол, исполняют этот обряд, заменяющий у них торжество коронования; а священная земля, окружающая эти памятники, служит, начиная с матери Салима ИИИ-го, открытой усыпальницей султанских жен и дочерей. Много их перешло, из раззолоченных теремов Бешикташей и Чераганов, в эти раззолоченные затворы Эюба, не успев, как повествуют некоторые из надписей, ни одну минуту подышать вольным воздухом и *вкусить сладостей земной жизни!* Зачем было родиться этим царевнам, если одни оковы были их уделом: сначала гарем, потом могила! Над этим-то, конечно, вопросом задумались их матери и сестры, тут и там неподвижно сидящие около их гробниц. Нет мудреного, что о том-же думает и тот евнух, который, в ожидании своей султанши, как статуя из черного мрамора, стоит поодаль в тени кипарисов!

О судьба! восклицает поэт Фазыл в одной из эпитафий, прилично-ли, чтобы гнездо прелестной пташки, так пленительно начавшей щебетать, было из камня!»

«Окрест кладбища возник многолюдный квартал, и все, вместе взятое, известно под названием *Эюб*.

Правоверные пьют воду Эюбова колодца как священную и покрывают плиту угодника приношениями: серебряными монетами, кусками алоэ, янтаря, а чаще всего, белого воска.

Века следовали один за другим – и нога иноверца никогда не переступала порога этих мусульманских святынь. „Напрасно“, говорит, в своей Картине Османской империи Мураджа д'Оссон, уроженец Константинополя, управлявший миссией шведского короля, „напрасно“, не смотря на мои связи в высшем турецком обществе, добивался я случая осмотреть внутренность этих храмов! Друзья мои, турецкие сановники, отсоветовали мне и думать об этом, так как подобное вторжение подвергло бы жизнь мою несомненной опасности».

«Но Русские где не проходили! Каких препятствий не преодолевали они! Какого залога не снимали! Стоило одному из них, Царственному Юноше, коснуться чела красавицы, для всех, кроме своих мусульманских поклонников, спавшей четыре века в этом кипарисовом лесу, и она очнулась от заколдованного сна.

Великий Князь Константин Николаевич, в первый же приезд свой в Константинополь, в 1845 году, первый из христиан ступил за порог заветной храмины, затворы которой мгновенно пали пред Его Высочеством. Воспользовавшись проложенным путем, вскоре затем, проник туда и один из Орлеанских принцев.

Пишущий эти строки имел счастье быть в числе лиц, составлявших свиту Августейшего Посетителя во все время Его пребывания на Босфоре и в Бруссе... за исключением этого, можно смело сказать, исторического дня. Вместе с знаменитым живописцем нашим И. К. Айвазовским, прибывшим в Константинополь в свите Его Высочества, он был с вечера в Скутари в гостях у одного армянского примата; сильный *годов* (южный ветер), сопровождаемый дождем, развел зыбь на Босфоре и задержал их, в то утро, на Азиатском берегу. Глубоко сожалея об этой неудаче давно минувших дней, он и до сих пор с отрадою переносится мыслию к прелестному кладбищу Эюба, который послужил князю Петру Андреевичу темой приводимого здесь, эпиграфом, стихотворения, так удачно им озаглавленного словом: „Очарование“».

Там, пред *Эюбом* живописным,
Венчаясь лесом кипарисным,

Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры:
Там в неге утопают взоры
И сходят на душу мечты;
Там, как ваянья гробовые,
Одевшись в белый свой покров,
И неподвижно, и без слов
Сидят турчанки молодые
На камнях им родных гробов.
Волшебный край! Шехеразады
Живая, сказочная ночь!
Души дремоты и услады
Там ум не в силах превозмочь;
Там вечно свежи сновиденья;
Живешь без цели, на обум,
И засыпают сном забвенья
Дней прежних суетность и шум.

15-е июля 1849 года в Буюкдере

В числе праздников, установленных Русскою Церковью в память и честь святым, день святого и равноапостольного князя Владимира имеет для нас особенное значение и особенную важность. Этот день есть для нас не только праздник христианский и церковный, но вместе с тем и праздник гражданский и государственный. Он принадлежит равно и Церкви, и истории народной. Приобщив себя и свой народ к Церкви православной, Владимир указал путь России. С первого следа, на нем означенного, положил он незыблемое начало её исторических судеб. Все наши события, все что образует нашу народную личность, нашу силу духовную, нравственную и политическую, все наши успехи и приобретения, все очистительные и многоплодные испытания, чрез которые Промысл целебно и спасительно провел нас по пути борений, жертв, преуспевания и славы, все истекает из светлой и святой купели, в которую Владимир погрузил с собою младенческую Россию. От него зачалось и окрепло наше духовное воспитание и гражданское образование. Им определено наше место в истории человечества. События нашей старины, события нашей новейшей истории, явления настоящего времени и, без сомнения, события будущего связаны и будут связаны союзом нашим с восточною Церковью. Здесь должно искать и точку исхода нашего, и цель, к которой направляет нас Провидение темными, но верными путями. Направления, данные обществам по соображениям человеческой мудрости и расчетам политического честолюбия, – и свидетелем тому служит история, – часто бывают подвержены изменениям, обличая в слепоте человеческую предусмотрительность. Но начала, в которых явно знаменуется вмешательство Божия Провидения, пребывают незыблемы и твердо переносят напоры и потрясения житейских волнений и бурь. Летописи наши выставляют в ярком свете непреложность сей истины. Им же, без сомнения, предстоит в будущем подтвердить ее новыми и убедительнейшими доказательствами. Многое у нас изменилось и многое может измениться в частностях нашего народного быта; но призвание и судьба России преимущественно заключаются в святыне её Православия. В прошедшем – оно наш основной, краеугольный камень; в настоящем – наша опора и сила; в будущем – наш светильник и двигатель.

Эти мысли промелькнули в уме моем при слушании святой литургии в день 15-го июля, в церкви посольского дома нашего в Буюкдере. Чувство духовного благоговения перед совершением святых таинств и обычных обрядов Церкви нашей невольно сливалось с историческими

воспоминаниями, которые пробуждает этот праздник. Эти воспоминания, если и не совершенно чуждые житейским попечениям, имели однако ж свою торжественность. Они не отвлекали ни мысли, ни чувства молящегося от чистой и святой цели, предназначенной молитве. Они не смущали, не охлаждали умиления; напротив, эти воспоминания придавали настоящему священнодействию новое значение, более доступное слабым понятиям нашим: они яснее выражали на языке человеческом дело Божия Промысла на Русской земле. Особенно на берегу Босфора, вблизи источника, откуда брызнула на предков наших живоносная и спасительная струя, давно уже иссякшая на родине и ныне у нас одних сохранившая свою первобытную и независимую чистоту, нельзя без тайного умиления внимать словам песнопения, которым Церковь наша славословит святого Владимира: «Уподобился еси купцу, имущему доброго бисера, славно-державный Владимире, на высоте стола сидя матери градов, богоспасаемого Киева, испытав же и посылая к Царскому граду увести православную веру, и обрел еси бесценный бисер Христа, избравшего тя, яко второго Павла, и оттрясшего слепоту во святой купели, душевную вкупе и телесную». Первобытная, благочестивая и поэтическая простота этих выражений везде трогательна и умилительна; но здесь она проникает в душу с особенною прелестью и силою. Давно минувшее живо в глазах олицетворяется. Нить этого *доброго бисера*, непрерывно и цельно протянутая сквозь многие и многие столетия, очевидно, ощутительно связывает прошедшее с настоящим. Здесь священное предание возвратилось к месту колыбели своей. Возрожденное, оживленное воздухом родины своей, оно облекается первобытною свежестию. Слова обветшавшие юнеют и звучат крепче и знаменательнее: в них слышится и святая память прошедшего, и какое-то пророческое предчувствие будущего.

Для нас, Русских, случайных и временных переселенцев на берега Босфора, заброшенных сюда течением разных обстоятельств, общий праздник имел еще на этот раз особенный, частный оттенок. Мы в этот день праздновали именины нашего посланника Владимира Павловича Титова. По русскому обычаю, он угостил единоземцев своих радушным обедом в русских палатах, красиво устроенных между обширным садом, живописно расположенным по уступам высокой горы, и роскошным, величественным Босфором. За обедом пропеты были, в честь именинника, некоторыми из собеседников и собеседниц, следующие стихи, положенные на музыку маэстро Мориони:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.